



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-81-1-95-100

Рецензия на монографию: Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры

Тимур Беньюминович Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: timur@radbil.ru

Ссылка для цитирования: Радбиль Т. Б. Рецензия на монографию: Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 1. – С. 95–100. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-81-1-95-100.

Review of the Monograph: M. Kovshova. Linguocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings: Anthroponymic Code of Culture

Timur B. Radbil

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: timur@radbil.ru

A reference for citation: Radbil T. B. Review of the Monograph: M. Kovshova. Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 1, pp. 95–100. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-81-1-95-100.

Язык действует во всех областях
духовной жизни как созидаящая сила.

Й.-Л. Вайсгербер

Человек живет не только и не столько в физическом пространстве, в среде природного обитания. Не в меньшей, а в большей мере человек живет в семиотическом пространстве культуры, что, собственно, и делает его тип существования на Земле человеческим *sui generis*. А приобщает человека к культурному пространству, так сказать, «помещает» его в это пространство — национальный язык. Именно посредством нашего языка мы во многом определяем, означиваем и озвучиваем наш взгляд на мир, и этот взгляд поэтому

будет как бы «по умолчанию» национально специфичным.

Сегодняшняя лингвокультурологическая парадигма гуманитарного знания неуклонно движется «вперед — к Гумбольдту», по выражению Р. М. Фрумкиной. Современные стратегии научного поиска в языкознании обнаруживают в глубинах нашего языка все новые и новые подтверждения мыслей Э. Сепира о том, что «большие группы людей повсеместно обнаруживают тенденцию думать и действовать согласно с некоторыми установленными и почти что инстинктивными формами, причем данные формы для этих людей в значительной мере специфичны» [Сепир 1993: 470].

Ярким воплощением напряженных исканий в той области, в которой в целостный

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 400 с.

феномен органично соединяются язык, сознание, коммуникация и культура, является и рецензируемая монография М. Л. Ковшовой.

В сущности, простая мысль о том, что в человеке язык, сознание, коммуникация и культура не существуют раздельным образом, а лишь представляют собой разные взаимообусловленные аспекты, грани некоего единого кристалла, и потому и изучать их надо соответствующим образом, — сегодня действительно становится парадигмообразующей. Но становление подобного взгляда на язык и культуру утверждало и утверждает себя в диалектическом противостоянии с устоявшимися псевдосоциалистическими воззрениями на язык как «вещь в себе и для себя», как автономную систему, живущую по каким-то своим, независимым от человека законам. Отсюда и постоянные упреки в «ненаучности», «лженаучности» этого направления. По этому признаку лингвокультурология даже попадает в почетный ряд, например, с квантовой механикой, которой в начале XX в. также отказывали в научности за полную несообразность со здравым смыслом. Однако, в отличие от квантовой механики, которая принципиально контринтуитивна, лингвокультурология пытается формализовать посредством научного метода языковую интуицию носителя языка, его обыденные представления.

Лучшим ответом на подобные упреки как раз и являются книги М. Л. Ковшовой, в частности — рецензируемая монография. В книге М. Л. Ковшовой «Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры» глубоко обоснована и самым тщательным образом продемонстрирована методология и методика комплексного лингвокультурологического анализа языковых единиц как знаков языка и знаков культуры, за которыми стоят определенные форматы знания и типы информации, ценностные приоритеты и модели вербальной интеракции, характеризующиеся этнической обусловленностью. Изложенный в работе подход отвечает самым высоким стандартам научности, принятым в современной гуманитаристике, сочетая в себе исследовательский инструментарий постклассического логического анализа языка,

этнолингвистики, когнитивистики и других крайне востребованных в новейшем концептуальном пространстве научных направлений, предметом которых выступает человек и его язык. Постараемся это доказать в рецензии.

В первой главе монографии под названием «**Лингвокультурологический анализ идиом и паремий**» последовательно рассматриваются принципы лингвокультурологического сопоставительного анализа фразеологизмов как языковой репрезентации культурно-языковой картины мира, обосновывается культурно-языковая специфичность идиом и паремий, обсуждается важнейшее теоретическое понятие культурной референции на материале идиом и паремий с костюмными компонентами, анализируются образы чувств и эмоций в традиционных загадках, а также поднимается нетривиальная проблема, обозначенная как «загадочность идиом и идиоматичность загадок».

Существенную научную значимость имеет представленная в § 1 исследовательская процедура лингвокультурологического сопоставительного анализа фразеологизмов на примере русско-китайских межъязыковых соответствий в области фразеологии.

Анализ проводится в два этапа. На первом этапе эксплицируются особенности плана выражения и плана содержания фразеологизмов русского и китайского языков. Под анализом плана выражения понимается выявление особенностей лексического наполнения, семантических процессов, грамматической структуры и синтаксических свойств сопоставляемых единиц. Анализ плана содержания включает сопоставление денотативного, сигнификативного, мотивационного и эмоционально-оценочного аспектов фразеологического значения. Этот этап представляет анализ фразеологизмов как «знаков языка». На втором этапе фразеологизмы сопоставляются уже как «знаки культуры».

Важно, что предлагаемые М. Л. Ковшовой пути комплексного лингвокультурологического сопоставительного анализа позволяют выявить «разные типы культурной информации, которые входят в языковое значение в виде особого категориального компонента — культурной коннотации» (с. 21). Это позволяет автору рецензируемой монографии на фоне уже вошедшего в научный оборот научного концепта

«языковая картина мира» сформулировать научное понятие **«культурно-языковая картина мира»** как «отраженные в языке культурно обусловленные процессы категоризации и концептуализации мира, которые оказывают влияние на носителей языка в процессах познания и интерпретации мира и служат формированию мировоззрения, основанного на общности этнической культуры» (с. 23). Это может считаться ключевым в теоретическом оснащении рецензируемой монографии.

Исключительную методологическую ценность, на наш взгляд, имеет осуществленное в § 2 обоснование того, в чем именно заключается культурно-языковая специфичность идиом и паремий и каковы особенности реального бытования культурной информации в сознании носителей языка. «Культурные коннотации, напротив, не забываются, а живут (“живодействуют”) в сознании, отвечая постоянно идущим в культуре процессам символизации ценностно значимого содержания, его **предельной семиотизации** в идиомах» (с. 29). М. Л. Ковшова показывает, как работают когнитивные механизмы облигаторного залегания культурно-значимой информации идиомы в сознании носителей языка при том, что они могут и не владеть историко-этимологической информацией, связанной с ее происхождением. В работе это характеризуется как «когнитивная релевантность культурной информации в идиомах и ее востребованность при употреблении и восприятии идиом рядовыми носителями языка» (с. 27). Посредством интересного, основанного на методе глубокой интроспекции эксперимента, в рамках которого анализируется поговорка *гладкая лапка, а цапка*, подтверждается реальность стоящих за этой поговоркой культурных смыслов: главной характеристикой является предикат *цапка* с семантикой захвата, присвоения — гладкая с виду, лапка способна цеплять. Идиома предупреждает: цапкий уцепит и вытащит что-либо для себя ценное, как кот — добычу (с. 30–33). Делается ценный в научном плане вывод о том, что «действующая опора на контекст и коммуникативную ситуацию создает ложное впечатление о полном автоматизме в употреблении идиомы, в то время как и употребление, и понимание детерминированы культурно-языковыми знаниями, которые,

как показывает наш эксперимент, у носителя языка всегда наготове» (с. 33).

Сильное впечатление производит развернутое в § 3 обсуждение научного понятия **«культурная референция»**, теоретическая значимость которого, на наш взгляд, выходит далеко за пределы рецензируемого научного издания. Вообще в неклассической теории референции наших дней вопрос о природе той реальности, которая стоит за языковыми выражениями, давно уже однозначно не решается в пользу «объективной действительности». По верному замечанию М. Л. Ковшовой, и в «спящем» режиме поговорка: *В платье и пень пригож* направлена не на пень и не на платье как на реалии действительного мира. К чему на самом деле реферируют идиомы, пословицы, поговорки, загадки как элементы «языка культуры»? В работе аргументированно дается однозначный ответ на этот вопрос. Референция осуществляется к элементам культурного кода — репрезентантам культурно значимого содержания, к пространству культурных смыслов: «Под культурной референцией понимается соотнесение знаков естественного языка с “языком” культуры» (с. 51).

Нетрудно увидеть, что автор монографии предлагает совершенно иной уровень осмысления, качественно иной масштаб видения пословиц, нежели это осуществляется в традиционных исследованиях паремий. М. Л. Ковшова погружает паремии и идиомы в контекст этнической интенциональности, подчас самому этносу неясных ценностных представлений и культурных конвенций, равно как и когнитивных схем, концептуальных моделей освоения физической и социальной реальности средствами национального языка.

Все сказанное выше подтверждает и материал § 4–6, посвященный лингвокультурологическому анализу загадок. Вообще, сильным местом рецензируемой монографии является единство методологического подхода к анализу субстанционально различных языковых сущностей — идиом, паремий и загадок, обусловленного глубинным родством их культурного и коммуникативного назначения — участвовать в формировании «языка культуры» этноса. Как нам представляется, загадку так еще никто в мире не анализировал. В предлагаемой концепции М. Л. Ковшовой такая, казалось

бы, «несерьезная» вещь, как загадка, выступает как мощный когнитивный механизм актуализации национально обусловленных знаний о мире, системы ценностей и предпочтений этноса. Структура загадки справедливо рассматривается М. Л. Ковшовой как фреймовая (см. анализ загадки *За стеной, стеной — каравашек костяной* (ребенок в утробе матери) на с. 102–104). Но роль загадки в культуре заключается еще и в том, что она является своего рода интеллектуальным семиотическим устройством для обогащения когнитивной компетенции этноса и индивида, для наращивания культурных смыслов. В этом состоит сокровенная креативность загадки: «Загадка намеренно непрямо описывает денотат и тем самым дает возможность увидеть мир неожиданно ярким, открыть его заново» (с. 110).

В этом плане концептуально «богатой» и перспективной представляется рассматриваемая в § 5 идея о сходстве, об определенной изоморфности загадок и идиом, что во многом обусловлено лежащим в их основе неким общим принципом не прямой номинации, препятствующим «вычислению» значения идиомы и смысла загадки по составляющим компонентам, который сформулирован на с. 94: «Под *принципом не прямой номинации* понимается намеренно усложненное иносказательное обозначение объекта, положенное в основу идиом и загадок. Именно идиомам и загадкам (и, возможно, притчам) свойственно установление столь далеких связей между объектом номинации и его образным описанием». Чем дальше отстоят друг от друга сопоставляемые сущности, тем ярче «метафорический сюрприз» загадки и идиомы. «Случайность в установлении даже самых далеких связей не выходит за пределы чувственно воспринимаемой реальности (иначе идиома и загадка сразу бы утратили образность), но главное — то, что это восприятие **культурно детерминировано**. Семантические связи “подрабатываются” стереотипными представлениями, которые помогают зафиксировать значение в памяти носителя языка, соединить образ и значение и в загадке, и в идиоме» (с. 106–107).

Существенным вкладом в новую, антропоориентированную теоретическую семантику может стать изложенная на с. 119 гипотеза о таких особых компонентах семантики паремий и идиом, как **исходные смыслы**,

на которых основывается и с которыми соотносится актуальное значение словесных знаков, их семантические и формальные инновации. Именно они отвечают за межпоколенческую ретрансляцию базовых представлений о мире и базовых ценностей в культурном пространстве этноса. «Под **исходными смыслами** понимается некая сумма содержательных признаков, которые в семантике словесных знаков составляют более ранний культурно-смысловой “слой”, связывающий семантику словесных знаков с семантикой традиционной культуры». Паремии и идиомы кодируют эти исконные смыслы и закрепляют в сознании этноса фундаментальные для него принципы освоения действительности и ее оценивания, поведенческие нормы и правила. В этом и состоит их исключительная важность для духовной эволюции этноса и его культурной адаптации к меняющимся условиям внешней среды.

Во второй главе монографии под названием «**Собственное имя в паремиях и идиомах. Антропонимический код культуры**» последовательно рассматриваются проблемы имени собственного в языке и культуре как предмета исследования, дается общая характеристика собственных имен в паремиях и идиомах, анализируются особенности культурной референции онимов разных типов, в целом представляющих антропонимический код культуры, освещается роль собственных имен в идиомах и паремиях как индексов стереотипных представлений, а также описывается опыт полидискурсивного анализа собственного имени в традиционном дискурсе.

Очевидно, что такие имена, как Иван, Марья, Джон, Мери и пр., обладают значительным национально-культурным потенциалом. Не имея прямого номинативного значения, имя собственное широко используется в не прямой, метафорической номинации, в функции вторичного означивания. На широком и разнообразном материале М. Л. Ковшова доказывает, что в пословицах, поговорках, загадках и идиомах собственное имя используется в качестве описательно-функционального эквивалента прямой номинации объекта. Собственное имя в пословицах, поговорках, загадках и идиомах замещает собой совокупность видовых черт объекта и его функций.

Вполне в духе развиваемой в работе «панлингвокультурологической» идеи звучит положение о том, что «любой антропоним, будучи компонентом в составе идиом или паремий — знаков языка и культуры, также превращается в культурно-языковой знак. Собственное имя в паремиях и идиомах преодолевает свое назначение в языке и приобретает функцию знака “языка” культуры — символа, эталона, стереотипа и т. п.» (с. 147). На этой основе в § 2 второй главы формулируются две гипотезы, обосновывающие научное понятие антропонимического кода и раскрывающие когнитивные и культурные механизмы его становления и функционирования в пространстве национальной культуры. Первая гипотеза вводит в рассмотрение проблему референции паремий и идиом с именем собственным к предметной области культуры. Вторая гипотеза постулирует использование собственных имен как изначально несемантических знаков языка в функции семиотизации ценностно значимых смыслов культуры. Именно это делает их строевым материалом для формирования особого антропонимического кода культуры: «Под **антропонимическим кодом культуры** понимается совокупность собственных имен с конкретной, неопределенно-обобщенной или фикциональной референцией, обозначающих персоны (реальные и вымышленные, лица и группы лиц) и персонажи (антропные и антропоморфные), которые были выделены в мировой и/или национальной культуре в качестве:

- конкретных модификаций исходных образов (мифологем),
- условных репрезентантов культурных феноменов (символов),
- оптимальных единиц измерения, идеалов (эталонов),
- образцов (стереотипов)» (с. 150).

В связи с этим опять возникает проблема референции собственных имен как знаков «языка культуры», которая подробно обсуждается в § 3. Так автор снова выходит на проблему **культурной референции**, разрешавшуюся ранее, в первой главе, на материале идиом и паремий. «В результате этой референции актуализируются смыслы, закрепленные за тем или иным онимом — именем персоны или персонажа в тех или иных слоях культуры. По тому слою, в котором осуществляется референция

онимов в культуре, мы выделяем типы собственных имен в паремиях и идиомах — **мифонимы, хрононимы, агониимы, литературные онимы, исторические онимы и антропонимы**» (с. 172). Существенно, что данное выделение типов собственных имен в паремиях и идиомах обосновано лингвокультурологическим подходом к их изучению и согласуется с обоснованным в монографии представлением об организации семиотического пространства культуры.

Безусловная научная значимость второй главы состоит в том, что в ней обосновывается целая исследовательская программа комплексного лингвокультурологического описания антропонимического кода культуры, в том числе и в плане лексикографической практики. Теоретической основой указанной программы является понятие культурно значимой информации, которая включает сведения о процессах и продуктах самопознания человечества на всех этапах его развития. «Понятие **культурно значимой информации** связано с главным в самопознании — с выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей и тех ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе ее развития у того или иного народа в ту или иную эпоху» (с. 173).

Интересен в этом плане представленный в работе анализ национально обусловленного коннотативно-оценочного потенциала русских личных имен. Так, например, имя Касьян изначально в культуре имело отчетливые негативные ценностные коннотации посредством присутствия культурных сем ‘кривой, косой’ → ‘неправильный’ и представлений о его связи с силами зла, что делает его мифонимом. В то же время в традиционной культуре это имя было и хрононимом, связанным с обозначением 29 февраля в високосном году. Для современного языкового сознания эти смыслы когнитивно нерелевантны, и носитель языка воспринимает это имя в пословице просто как собственное имя, т. е. как обычный антропоним (с. 209–210). Таким образом, в ониме как знаке культуры сопричастствуют разные типы культурной информации и разные слои ее залегания.

Крайне актуальными в научном плане представляются высказанные М. Л. Ковшовой соображения об особенностях

референции антропонимов в загадках и пословицах, поговорках, идиомах. «Антропоним как компонент в составе паремий и идиом участвует в категоризации и концептуализации мира. Основная функция антропонима в загадках — участвовать в обобщении качеств и свойств предметов действительности, именовать предмет, воплощающий в себе класс предметов. Основная функция антропонимов в пословицах, поговорках и идиомах — обобщать качества и свойства человека, кодировать тот или иной социальный тип» (с. 297). Отсюда возникает особый референтный статус антропонимов, соотносённый с квантором всеобщности, задаваемым кванторными словами типа *всякий, каждый, любой* etc., и квантором существования, задаваемым кванторными словами *какой-нибудь, какой-то* и пр.: *Каждый Еремей про себя разумеи*.

Еще один аспект функционирования онимов как знаков культуры представлен в § 4. Речь идет об их участии в формировании и выражении культурных стереотипов. «В отношении собственных имен мы говорим о стереотипе, если собственные имена соотносятся с устойчивым представлением об образцах предметов или ситуаций, если в ответ на собственное имя возникает данное устойчивое представление. Так, в идиоме *Ромео и Джульетта* — собственные имена служат индексом (адресом) стереотипа о юных влюбленных; собственные имена вызывают в памяти знания о литературном сюжете, на основе которого сформировался стереотип» (с. 308).

В § 5 второй главы автор предлагает опыт полидискурсивного анализа антропонимов в поле народной культуры. Исследование показало значительный потенциал антропонимов в паремиях, идиомах и загадках в области выражения культурно значимой информации, который по-разному проявляется в дискурсах разного типа и разных речевых жанрах: «Данные позволяют говорить об антропонимах как жанрово детерминированных и дискурсивно маркированных единицах» (с. 361).

Подводя итоги проведенного монографического исследования, М. Л. Ковшова приходит к значимому обобщению о том, что «в образах идиом, пословиц, поговорок, загадок по-своему, исходя из особенностей данных знаков, запечатлено культурное выделение тех или иных явлений из контекста действительности, выдвижение их на мировоззренческий план ее описания» (с. 362). На наш взгляд, это положение прямо выводит нас на обоснование самой аксиоматики современного лингвокультурологического знания, а также открывает существенные перспективы дальнейших научных штудий в этой области, полной еще неразгаданных тайн.

Замечательная монография М. Л. Ковшовой является еще одним весомым аргументом, утверждающим определяющую роль языка в духовном освоении действительности посредством семиотического воздействия на окружающую среду.

В заключение отметим, что, несмотря на сложность поднимаемых вопросов и глубину анализа, монография читается на одном дыхании, потому что ее язык сочетает научную строгость с художественной образностью и афористичностью. М. Л. Ковшова умеет так писать — просто о сложном. И в этом тоже проявляется ее безусловный дар слова и подлинная любовь к объекту своих научных изысканий — языку во всех его проявлениях. Действительно, книга захватывает как своего рода «лингвокультурологический детектив», где вместе с автором читатель шаг за шагом разгадывает загадки, которые ставит перед ним удивительный и прекрасный мир русского слова.

ЛИТЕРАТУРА

Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993.

REFERENCES

Senur E. Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow, 1993. (In Rus.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; проспект Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия

Timur B. Radbil, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Gagarin av., 23, Nizhny Novgorod, 603950, Russia